

КУЗБАСС

ОРИАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС,
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 252 (8855).

Суббота, 27 октября 1956 г.

Гол. издания 35-й.
Цена 20 коп.

Проглядели

6.

РАССКАЗ

Сергей Иванович, инструктор, которому поручили обучать новичков шахтерскому делу, приметил среди них «самое смышленное», Леонида. Он запомнил каждое слово старого шахтера, повторяла точь-в-точь, будто живая тень, каждое движение инструктора. Горник не растолковывал ему вторично, как подготавливать инструмент, осмотреться до начала работы в забое, убрать после отвалки уголь и поставить крепление. В шахте Леонида по пятам ходил за Сергеем Ивановичем и тут же пробовал делать сам все, что указывал от своего учителя.

Инструктор полюбил Леонида, как сына, который не вернулся с войны. «Такой же расторопный и понятливый», — замечал он не раз по себе, но внешне ничем не выдавал своего особого к ученику расположения. Занимался с ним так же, как и со всеми остальными, а журнал, если приходилось, больше других.

Леонид лет-чет и снова ловил на себе пристальный взгляд бывшего горняка, чувствовала в его советах и рассказах что-то близкое еще с детства. Только отец так просто, задумчиво говорил, бывало, о тракторе, об охоте, как Сергей Иванович о шахте. Как-то под выходной день старый горник пригласил Леонида к себе домой. По рассказам его предыдущих учеников новички знали: это было высшей похвалой за старание.

Леонид случайно взглянул в окно, выходящее во двор, и ахнул: — Яблоки! Настоящие яблоки! Он удивленно глядел на шахтерский сад, на небольшие деревья, густо увешанные крупными плодами.

— Ваня? — Ничего удивительного. У соседа побаче.

Розовые яблоки и желтые груши соблазнительно выглядывали из-под листьев, манили к себе. Засиделась допоздна. А когда за

оками ступились сумерки и Леонид затормозился домой, Сергей Иванович остановил его: — Возьми, сынок, — поддал он Леониду свой собственный инструмент. — Мне он служил исправно, пусть и тебе так же послужит...

У старого шахтера была «странная», как говорили соседи, привычка дарить лучшим своим ученикам собственный инструмент... «Проглядели бы вы на меня сейчас, — писал Леонид матери, сестренкам и братникам. — Я теперь настоящий шахтер. Уголь под землей добываю»...

Умышленно он не упомянул в письме о случае, который чуть было не испортил дело. Это произошло на другой день после трогательного прощания с Сергеем Ивановичем. В лаге, где заменился Леонид, началось такое, какого он никогда не видел. Вверху зашуршало. Дальние стволы затрещали. К ногам посыпались камни.

— Берегись! — прокатился по лаге чей-то предостерегающий голос.

Кто-то метнулся прочь и скрылся в темноте. За первым еще быстрее кинулся второй.

— Стой! — гнетно закричал он. — Стой, тебе говорят!

Горный мастер поймал беглеца за руку. — Какой же ты, к черту, шахтер!

Осветил с ног до головы испуганного Леонида, но руку его из своих железных пальцев не выпустил.

— Трус, — в шахте не работни! — Пусти, — Леонид с силой разинулся. — Пусти! Все равно уберу... Горный мастер промолчал. Он пожевал, пока лава ужомонит. Когда вокруг стихло, посетил Леонида прямо в широкие раскрытые, испуганные глаза и сердито бросил: — Не держу. Иди. Можешь хоть в дворник. Там не страшно... Леонид ушел.

На другой день он был в этой же лаге. Шахтеры, по-своему веля-

Алексей КОСАРЬ.

кодушно, шатались: никто даже не обмолвился о вчерашнем случае. Только много месяцев спустя, на слете передовиков, горный мастер взял за руку уже известного на руднике забойщика Леонида Силова и, улыбаясь, спросил громко, чтобы слышали друзья: — Ну что, бжеать с шахты не собираешься?

7. Как ня торопился Леонид, пока мылся, переделывая, часовая стрелка подошла к восьми. Ужаснул второпач. И все-таки в клуб пришел чуть ли не последним. Протискиваясь в зал. Видимо, самого главного гостя шахтеры провожали с трибуны неустойчивыми рукоплесканиями. Фамилию второго оратора не рассказали. Но когда из-за стола президиума поднялся донбассовец, Леонид не сдержался:

— Николай!

Шахтеры с ближних рядов замалкали, зашканили на Леонида.

Конечно же, это был Николай. Плечи его раздвинулись, голос окреп.

— Скажи вам прямо, товарищи, — начал Николай, — по общей докуче уля вы нас опередили. Хорошо! Но с механизацией в вышней шахте не ахти как. Я на своем комбайне скоро годовой план закончу. А у вас эту машину все еще осваивают...

После собрания на удивление всем тут же в лаге Николай и Леонид обнялись до хруста в костях и по-русски трижды расцеловались.

— Построила тебе шахта дом? — начал задирать Леонида, напоминая другу давний разговор.

— Построила.

— С садом?

— А как же, — отшучивался Николай.

— Можешь не хвалиться. У меня тоже скоро будет свой дом, не хуже твоего. Маме напишу, чтоб приехала... А насчет комбайнов — ты не особенно. Меня посылают учиться на комбайнера. Встретимся в следующем раз по-другому...

открытое бжеатьство, но что-то обмолвился к этому. Хотел Николаю подделиться с другим своим покровителем на его счет, да не успел. Перерыв закончился, звонок позвал в зал.

8. Кто же думал, что так получится? Лучше бы Леонида не выкалывали перед крестиком на Довбассе. Кто же мог предположить, что в жизни Леонида начнется пора сплошного «евенезья»? Стядно признаться, но четвертое письмо друга, как и три предыдущих, вышло на солнце, а он так и не собрался написать ответ Николаю.

Конечно, можно бы рассказать ему, как похвалял главного инженера шахты своим исполнением комбайнера и самого способного среди них — Леонида Силова. Их распределения по забоям, пожелания успешнее... Но много ли значат праздничные дни, да еще прошедшие!

С того памятного дня удача все дальше уходила от Леонида. Главного инженера, астронавта Силова, проходил будто мимо незнакомого, и не только «не узнавал» его, не жал ему руку, как на выписанном вчерне, но даже не удостоивал легкого кивка головой в знак приветствия.

О, как это унизало самолюбивого соседа, привыкшего быть всегда на виду молодого комбайнера!

Правда, была на то причина. Но рассказать о ней в письме другу просто не хватало мужества. Вероятно, все как-нибудь уладится.

Началось совсем с безобидного. В одну из получек, возвращаясь домой, Леонид встречал на тротуаре недавнего приятеля. Это был сосед по подезду в новом доме, где шахтеры дали квартиру, так как он собрался перевести на рудник мать с родственниками.

— Здорово, миллионер! — еще издали крикнул Леониду вышней, с открытой кудрявой головой сосед, никогда не расстающийся с двумя вежами: улыбочкой на продолговатом, можаком лице и фотоаппаратом на груди.

— Я давно хочу сводить тебе в одно значное местечко, — кудрявый сосед вступил примомову взаимно, и не дожидаясь согласия, взял под руку молодого шахтера, будто незначая задел его оттопиренный харман, полный сторулевков.

Леонид хотел было завернуть на почту, откуда из каждой полочки посылали матери деньги, а сегодня обиралась выслать и премиальные, чтобы мать не нуждалась ни в чем в дальней дороге. «Но удобно ли отказываться от приглашения такого разговорчивого соседа веселого человека? Денги перевести и завтра усну», — подумал Леонид, хотя внутренний голос подсказывал ему не соблазняться известьем каким влчачным местечком. Сколько раз после он проклинал себя за минутное малодушие!

Была возможность и позже одуматься, исправить неверный шаг. В перерывах между гимнастикой восточного физкультурника, «за лучшего певца» — и все это за него, Леонида Силова, в перерывах между соделанными анекдотами, от которых хвятились за жизнью ресторанные заведующие, а шахтеру было не по себе, сосед приглашал его в фойе, где, словно подстрекателя, рваный леонид, делало судно билларда.

Тверды шахтерская рука крепко сжимала кий. Как ня старался владеть улыбочкой, кудрей и фотоаппарата, на последнем, самом трудном шарике Леонид под крикливыми одобрениями лезак неманемо выигрывал партию за партией.

С той же невозмутимой улыбочкой сосед после каждого своего проигрыша доставал из кармана денги и отдавал им внаки смущенному Леониду. С его отказом принимать денги не считались: дескать, так принято. Компания знакомых «аруей» возвращалась в зал и поднимала новый тост на этот раз за «корюла билларда».

Простодушный, доверчивый, ничего подобного раньше не видевший шахтер чувствовал себя словно в угаре. Он и не подозревал, что ожидает его, когда один из биллардных лезак в разгар одобрительных возгласов по случаю очередного выигрыша адурус с отчаянием в голосе произнес:

— А, бже-же была! — давай и я попытаю счастья. Разбавил, Леонид, — и, скоймав несколько непопытных поновных сторулевков, ловким движением «бжеать», чтобы не выдала те, кому не следует, заглянул денги в боковую луку, куда в этот вечер падали часто счастливые шары Леонида. (Не зря, — про себя гордился он, — еще в об-

шежитии я чуть ли не целыми днями пропадаю в красном уголке возле стола, на котором бегали хать и не костюные, а металлические, зато биллардные шарки).

Леонид, не обращая внимания на денги, распекаемый безудержными похвалами ресторанными друзьями, выиграл у незнакомого одну за другой подряд обе партии. Он хотел уже бросить кий, но партнер удержал его:

— Давай еще одну. Вроде контрольной, — он прибавил к содержанию лузы, у которой, кажется, не было дна, столько же, сколько в ней скопилось от предыдущих игр.

— Давай! — вторично согласился молодой неопытный биллардист. Ему острогетра непривычный шум захлеменного ресторана, визгливые мелодии пословленного от частых возношений жизненного оркестрика, а главное хотелось одним выгрышем (в нем Леонид был уверен) закончить угонительный поединок и вместе с ним тяжелый, ничемный, бездарно растянутый вечер.

Все шло по-прежнему. Удич не покидала его ни на минуту. До выигрыша осталось забыть один шар. Но он никак не давался. Противник будто подменил. Ни одного не точного удара. Ни подобия подставки, за счет чего в предших партиях Леонид, откровенно говоря, выбил большинство шаров. На какой-то миг в сердце шахтера цвельмутьюсь дохворрел: «Не специально ли построили они все это, чтобы обмануть меня?»

Но кудрявый сосед так дружелюбно улыбался и одобрительно ему подмигивал, что Леониду стало совестно за свое позорение.

Между прочим, сосед вел себя не менее дружелюбно и на следующий шахтер уперся в лагу, что он, Леонид, может не сомневаться в этом, так как играет в сто раз лучше, чем какой-нибудь новичок, которому просто вчера подкинули позволю.

Кудрявый сосед говорил и в последующие вечера немало одобрительных (точнее — одурманяющих) слов, пока Леонид не увидел, в ка-

кую западню завела его доверчивость, самолюбивость. Он не только не отыграл премию и зарплату, чтобы послать матери деньги на дорогу, но с каждым вечером проигрывал все больше и больше. Он взял под честное слово еще два-три дня у товарищей по забоям не старую тысячу, а десять тысяч с гаком. И самое позорное заключалось в том, что каждому, у кого он брал денги, говорил:

— Поняешь, мама у меня старенькая, детки у нее... Хочу перевести их всех к себе...

Шахтеры верили, давали ему денги, а он проигрывал их в тот же вечер, не успев отослать матери ни копейки. Об этом забывался кудрявый, притетливо улыбающийся сосед.

— Успейте отослать завтра. Надо сначала вернуть проигранный, а то, чего доброго, твой партнер улизнет из города...

Улизнул они оба: кудрявый сосед и партнер, обманувший Леонида. Это случилось после того, как молодой шахтер вернулся домой с пустыми руками и сквалл своему соседу, что в ресторан больше не пойдет, так как никто ему, Леониду, не верит и денег взаимно не дает.

Пойти бы ему на шахту и честно-сердечно во всем признаться. Нет, Затаился. Ложный стыд удержал. Гордость не позволила. А какая, к черту, гордость в таком положении!

☆☆☆

Все это, известное по собственным наблюдениям, по письмам матери Леонида, по рассказам его товарищей, prominently в голове комсорга за секунды-минуты, пока он считал поданные по его просьбе руки комсомольцев.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, — считал он и, казаясь, слушал свой собственный голос со стороны, не узнавая его. Комсорг не помнит, когда произнес слова решения, равного приговору:

— Большинство голосов Леонид Силов исключается из комсомола...

Сказал и сам себе не поверил. «Ис-кля-ча-е-т-ся...» Когда же это случилось? Как же это произошло? Где же был он, комсорг? Где были товарищи? Неужели и она думала, что Леонид будет образцовым жедла, сам по себе! Сам по себе... Нет, нет! Этого нельзя так оставлять... Ни в коем случае!